

УДК 327.1

Категория «желтые» в контексте расового дискурса в Российской империи в конце XIX – начале XX в.*

Я. С. Гузей

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Статья посвящена анализу употребления и бытования в Российской империи термина «желтые», зачастую отождествлявшегося с народами Восточной Азии. В частности, поднимаются вопросы о том, какой смысл и значение российские авторы вкладывали в это понятие в конце XIX – начале XX в., и как данный термин использовался в позднеимперской России.

Ключевые слова: раса, расовый подход, «желтые», Российская империя.

Конец XIX – начало XX в. стали временем расширения связей и контактов России с другими народами. Активная внешнеполитическая деятельность империи на Дальнем Востоке в сочетании с заселением и освоением российских дальневосточных территорий заставили подданных империи обратить особое внимание на жителей крайней Азии и сформировать свое отношение к ним.

В качестве главных критериев типологизации народов и культур в империи традиционно выступали национальность, географическое положение и вероисповедание. Однако уже в конце XIX в. на фоне развития в царской России физической антропологии одним из важнейших оснований для дифференциации народов становится также расовая принадлежность.

Идея деления человечества на отдельные расы, оформившаяся в Европе, довольно быстро прижилась в царской России. Ученые, публицисты, а за ними и остальное население империи не только открыли в это время для себя «расу» как новое научное понятие, но и восприняли ее как важнейшую категорию анализа, способную объяснить причины физического, умственного и психологического различия отдельных народов.

Изучение расового дискурса в Российской империи – заметная тенденция в российской и зарубежной исторической науке последних лет. Достаточно вспомнить работы М. Могильнер [17], В. Тольц [29; 42], К. Холла [33], Е. Aurutin [39]. Однако вопрос о бытовании и смысловом наполнении отдель-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по теме «Переселенческое общество Азиатской России: этномиграционные процессы в формировании локальных пространств и сообществ. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков». Соглашения № 14.В37.21.0012 и № 14.В37.21.0271.

ных расовых категорий во многом остается приоритетной задачей исследований в области истории Российской империи конца XIX – начала XX в.

Сегодня термин «желтые», активно применявшийся в позднеимперской России по отношению к дальневосточным азиатам, все чаще употребляется в различных исторических исследованиях. Между тем крайне важно понимать, какой смысл и значение в него вкладывали в конце XIX – начале XX в.; какие характеристики считались в это время определяющими для представителей «желтой» расы и как вообще этот термин применялся в империи. Изучение такой проблематики, возможно, не только поспособствует правильному использованию терминологического аппарата позднеимперской России в работах современных историков, но и позволит лучше понять механизмы формирования собирательного образа дальневосточных азиатов в российском обществе конца XIX – начала XX в.

Для исследования такого рода нет недостатка в источниках: освоение российского Приамурья и военные конфликты начала XX в. на Дальнем Востоке способствовали формированию в империи широкого пласта литературы, посвященной дальневосточным народам. Определенная часть этих работ была написана в русле расового подхода. На корпус источников, представленный шовинистическими брошюрами, публицистическими заметками, дневниками, мемуарами и заметками о дальневосточных соседях России, изданными в 1895–1914 гг., и опирается статья.

Неопределенность концепта «желтые» в Российской империи: «чужие» или исторически родственные?

В российских словарях термин «желтые» появился практически одновременно с понятием «раса». В качестве отдельного «человеческого племени» «желтые» выделялись уже в 1882 г. в толковом словаре В. И. Даля, который насчитывал всего пять «главных племен человеческих: белое (Кавказ или Европа), желтое (Китай), красное (Америка), бурое (Полинезия) и черное (Африка)» [29, с. 162]. В этой системе термин «желтые», так же как и «черный», «белый» или «бурый», обозначал лишь цвет кожи как основной критерий выделения расы и не носил сколько-нибудь выраженных отрицательных коннотаций.

Учение о том, что все человечество можно классифицировать на отдельные «популяции» – расы, отличающиеся комплексом наследственных биологических признаков, придавало огромное значение особенностям внешнего облика человека. Между тем «физические» характеристики, такие как цвет кожи, волос, глаз, пропорции тела, по которым определялась расовая принадлежность, с самого начала вносили неопределенность в вопрос об отнесении различных народов к той или иной расе. На это обстоятельство обращал внимание известный общественный деятель начала XX в. Я. А. Новиков, критически относившийся к учению о расах: «Хотя антропологическая школа и выставляет расу главным фактом цивилизации», однако «как только спросишь у нее, что она подразумевает под этим словом, все здание рушится. Никто никогда не мог установить характеристичных признаков расы» [18; с. 72].

Неудивительно, что понимание категории «желтые» в Российской империи оставалось крайне размытым. Вопрос о том, кого следует относить к «желтым» народам, с самого начала оказался в царской России крайне неопределенным. Размещенная в словаре В. И. Даля статья о «породах» людей ограничивала район проживания представителей «желтой» расы исключительно территориями Цинской империи, отождествляя, таким образом, «желтых» преимущественно с китайцами. Однако эта позиция не стала преобладающей. Корреспондент порт-артурской газеты «Новый край» Д. Г. Янчевецкий причислял к «желтому Востоку» помимо Китая Тибет, Монголию, Маньчжурию и Корею [38, с. 46]. Сотрудник редакции журнала «Русское богатство» С. Южаков шел еще дальше, полагая, что к «желтым» государствам следует относить не только Китай, Маньчжурию, Тибет, Монголию и Корею, но также Японию и Индокитай [37, с. 112].

Еще шире понятие «желтые» трактовали российские антропологи. Влиятельный в империи антрополог Д. Н. Анучин в 1904 г. писал, что «желтая раса» включает в себе множество племен, весьма различных между собой по типу, языку, характеру и быту. К желтой расе относятся и монголы, и многие тюркские народы, и самоеды, и китайцы, и малайцы, и эскимосы, и американские индейцы; в числе относимых к ней народностей имеются представители весьма различных групп языков, различных религий и степеней культуры». «К этой расе относят вообще все племена, которые нельзя причислять ни к “белым”, ни к “черным”, которые представляют некоторое сходство между собой по известным признакам, но которые выказывают весьма значительные различия по другим признакам и по общему типу» [1].

Неопределенность концепта «желтый» осложнялась не только довольно широкой трактовкой самого термина, но и отсутствием четкого понимания расовой принадлежности народов Российской империи. Значительная часть подданных русского царя имела азиатские корни и по внешним, физическим параметрам относилась скорее к представителям «желтой» расы. Известный публицист М. О. Меньшиков, побывавший в Астрахани в 1904 г., был изумлен схожестью калмыков с японцами: «Под Астраханью мы заглянули в уголок Японии, какою она была, вероятно, тысячу лет назад. Что первое мне бросилось в глаза – поразительное сходство калмыков с японцами. Буржелевая кожа, скуластое лицо, раскосые глаза: совершенно как рисуют азиатов на китайских вазах. С нами из Петербурга ехал студент университета, бурят – вылитый китаец по типу. Ясно, что Россия захватила часть коренной желтой расы...» [14].

Тот факт, что часть населения империи принадлежит к народам «желтой» расы, осознавал не только М. О. Меньшиков. «На треть – азиатами по своей крови, по культуре и по народностям, которые входят в состав русского государства» подданных русского царя считал и влиятельный в империи публицист, издатель газеты «Новое время» А. С. Суворин [23, с. 807].

Значительное число представителей «желтой» расы среди коренных народов империи объяснялось двухсотсорокалетним периодом монголо-татарского ига на Руси. Многие знатные дворянские семьи в империи вели

свою родословную от золотоордынских ханов и не только не скрывали этого факта, но и, по справедливому замечанию канадского историка Д. Схиммельпеннинка ван дер Ойе, всячески старались подчеркнуть свое азиатское происхождение [41, с. 22].

Эпоха ордынского владычества давала повод интеллектуалам рассуждать об особом положении русского государства и формировании на его территории уникального народа, соединившего в себе западную и восточную цивилизации. Самым рьяным сторонником подобных идей об уникальности Российской империи и даже ее родстве с «желтыми» был издатель «Санкт-Петербургских ведомостей» князь Э. Э. Ухтомский. Влиятельный при дворе последнего российского монарха, князь был убежден, что два века монгольского правления сделали Россию куда ближе к Востоку, чем к Западу. «Монгольское» наследие Российской империи давало Петербургу моральное право играть активную роль на Дальнем Востоке, где России, по его мнению, была уготована «особая миссия» не только просвещения, наставления, но и защиты от меркантильного Запада [31, с. 72].

Эти идеи подходили для обоснования российского движения на Восток. Не случайно взгляды князя, слывшего знатоком Востока и сопровождавшего в 1891 г. цесаревича Николая в его путешествии по Азии, пользовались особым расположением последнего российского императора, мечтавшего обеспечить Россию портом на берегах Тихого океана [подробнее см.: 27].

«Восточничество» Э. Э. Ухтомского скорее вызывало массу неодобрения, чем пользовалось популярностью в обществе. Когда в 1896 г. князь возглавил «Санкт-Петербургские ведомости» и заявил о том, что «обновленная» газета будет придерживаться «восточной направленности», т. е. уделять внимание на своих страницах не только Европе, но и Азии, некоторые российские издания отнеслись к этому с большой иронией. В январском номере «Нового времени» за 1896 г. отмечалось, что «обновленные Петербургские ведомости» князя Э. Э. Ухтомского усердно приглашают Россию выехать в Азию, где у нас-де историческая колыбель, а кстати, или, вернее, совсем кстати, осуждают государственную политику на европейских окраинах за узкий национализм» [26]. Увлеченный буддизмом и иными восточными учениями, Э. Э. Ухтомский нередко становился объектом для иронических высказываний в обществе и печати. «Вы слышали: князь Ухтомский нас считает за полужелтую расу? / – Ничего нет удивительного! Он может принять нас даже за краснокожих! / – Это почему? / – Очень просто, почему: нам часто приходится краснеть за его умозаключения!», – писалось в 1900 г. в одном из популярных сатирических журналов [11, с. 11].

В отличие от Э. Э. Ухтомского, большинство российских авторов склонны были рассматривать Российскую империю как государство, населенное преимущественно народами «белой» расы. Основанием для этого во многом служили представления о географическом положении империи и ее народонаселении. В конце XIX – начале XX в. Российскую империю отождествляли преимущественно с ее европейской частью и великорусской народностью. К концу XIX в. появилась тенденция к выделению уже не только великороссов,

но и «большой русской нации», основу которой составляли великорусы, белорусы и малорусы. Как важнейшая часть русского государства, «европейская Россия» выделялась особо в переписи 1897 г. Тогда под ней понимались 50 российских губерний от Бессарабии до Урала, в частности до Екатеринбурга, на которые приходилось 93 млн человек из 126 млн населения [19, с. 1–3].

Российский Дальний Восток, присоединенный во второй половине XIX в., считался частью Сибири, которая не идентифицировалась в имперском сознании всецело с понятием «Россия». «Сибирь “наша” по географическим картам; но мы сами еще не научились называть ее Россией, только потому, что не знаем ее, и что заселена она горстью людей, сравнительно с громадным, свободным захваченным пространством», – писала влиятельная петербургская газета «Гражданин» в 1904 г. [35].

Восприятие России как государства «белой» расы исходило и из представлений об уровне развития ее материальной и духовной культуры. Расовые теории подразделяли все расы на «высшие» и «низшие». «Белая», или «арийская», раса понималась в этом дискурсе в качестве наиболее развитой, стоящей на самом вершине расовой иерархической «лестницы». В одной из брошюр, со ссылкой на Ж. Гобино, даже проводилась мысль, что «центральный пункт истории всегда находится там, где в данный момент живет группа белых людей, наиболее чистая, наиболее интеллигентная и наиболее сильная» [8, с. 88]. Поэтому Российскую империю стремились рассматривать в качестве государства, населенного «белой» расой. Среди российских антропологов в начале XX в. наметилась тенденция как можно меньше говорить об азиатских корнях российских народностей. Д. Н. Анучин даже предложил перестать рассматривать в качестве «желтых» некоторые азиатские народности, в частности различные монгольские, тюркские и финские племена, принимавшие участие в этногенезе «большой русской нации», что решило бы главную идеологическую проблему всецелого отнесения российских подданных к «белой» расе [29, с. 184].

Особая раса

Рассмотрение России как государства «белой» расы фактически противопоставляло жителей империи представителям всех остальных рас, которые воспринимались как «чужие». «Чужими» для российского населения оказались и мигранты из Азии на Дальнем Востоке. По Всероссийской переписи населения 1897 г., общее число китайцев, корейцев и японцев составляло около 86 113 человек (0,07 % всего населения империи), в том числе 60 761 в Сибири и на Дальнем Востоке [19, с. IV, 238–245].

Мигранты зачастую продолжали соблюдать свои традиции и обычаи, что усиливало их ореол тотально чужих. Дальневосточные чиновники в ежегодных всеподданнейших отчетах о состоянии региона четко подразделяли все население окраины на несколько групп – на русских переселенцев из европейской России, коренных жителей края (инородцев) и иностранцев, среди которых особенно выделяли «желтых», под которыми понимались китайцы, корейцы и японцы [3, л. 15; 4, л. 9].

Использование понятия «желтые» в официальных документах – показатель того, что оно воспринималось как вполне законное. Это не свидетельствовало о господстве расистских настроений. Во всеподданнейших отчетах понятие «желтые» употреблялось скорее в качестве собирательного термина и не несло сколько-нибудь выраженных отрицательных коннотаций. Использование расовой терминологии было инструментальным, позволявшим чиновникам рассматривать мигрантов из различных азиатских государств в едином ключе. Терминологический аппарат расовых теорий подходил для такого собирательного описания.

При расовом подходе зачастую игнорировались этнические различия. Идея об общих чертах, неотъемлемо присущих представителям одной расы, вела к комплексной идентификации народов и автоматическому перенесению оценок с одной этнической группы на другую.

Этнически различные китайцы, корейцы и японцы оказались для многих российских авторов единым целым – «желтой» расой. Их близкую родственность стали подчеркивать начиная со второй половины XIX столетия. И. А. Гончаров, находившийся в составе первого официального посольства России в Японию в 1853–1855 гг., писал: «Всякий раз, как поглядишь на оклад и черты их лиц, скажешь, что японцы и китайцы близкая родня между собою. Те же продолговатые, смугло-желтые лица, такое же образование челюстей, губ, выдававшиеся лбы и виски, несколько приплюснутый нос, черные и карие, средней величины, глаза. Я не говорю уже о нравственном сходстве» [7].

Физические, «внешние» параметры, такие как цвет кожи, глаз, волос, рост и строение тела становились важнейшим критерием «экзотизации» дальневосточных народов. Врач российской миссии в Пекине В. В. Корсаков считал, что «желтый цвет кожи и узкие глаза» являются именно теми важнейшими факторами, которые выделяют дальневосточных азиатов «в особенную племенную желтолицую группу» и свидетельствуют об их коренной чуждости всему европейскому [12, с. 101].

В качестве антропологических характеристик «желтой» расы российские авторы выделяли низкорослость, слабость и невыносливость. Во многом это являлось причиной насмешливо-презрительного отношения к дальневосточным народам, в особенности при рассмотрении их в качестве возможных военных противников. В одной из книжек для народного чтения проводилась мысль, что если бы азиаты «поступали на военную службу в России, то их бы всех забраковали по малому росту» [20, с. 7]. Видимо, физическое развитие жителей Восточной Азии не соответствовало понятиям о «мускулинности» в России, где показателями мужской красоты считались высокий рост и крепкое телосложение.

Исключительную важность «телесной» составляющей при формировании социальной оппозиции «свой – чужой» подчеркивает А. Н. Мещеряков. По его мнению, особенности физического строения тела могли рассматриваться даже как своеобразный показатель цивилизованности или варварства [16, с. 289]. Это суждение подтверждается отношением к внешнему облику и

«телесным» манерам азиатов. Строение тела, жесты, позы, модели поведения, особенности принятия пищи – все это служило в империи критериями «культурности» «желтых».

Разделительной чертой между «желтыми» и «белыми» становилась также религиозная принадлежность. Вероисповедание вообще выступало важнейшим критерием деления мира на Восток и Запад, оно играло значительную роль в формировании чувства превосходства европейской цивилизации. В царской России православное вероисповедание в большей степени определяло принадлежность к подданным империи, чем даже русский язык. Главным условием получения российского подданства долгое время было принятие православия.

В религиозном отношении «желтые» воспринимались в империи не просто как «другие» или неевропейцы, но и, что важнее, как не знающие учения Христа. Зачастую их представляли не как людей, принадлежащих к другим религиозным конфессиям, а как «язычников», т. е. по большому счету не имеющих вообще никаких религиозных воззрений. А. С. Суворин писал по этому поводу в своей традиционной колонке в «Новом времени»: «Язычники! Почему язычники? Китайцы – язычники только на пономарском языке. А пономарский язык давно надо бы бросить в политических статьях и пользоваться европейским языком, на котором китайцы – буддисты, магометане, конфуциане и христиане» [24].

Такие представления нередко являлись основой появления самых различных «небылиц». Известный инженер-путеец и писатель Н. Г. Гарин-Михайловский, совершивший в 1898 г. путешествие по Дальнему Востоку, писал, что население российской дальневосточной окраины было убеждено, что «первое блюдо» у китайцев – «православных детей есть» [5]. Незнание христианского учения автоматически формировало вокруг азиатов в империи своеобразный ореол совершенно иных, непонятных существ. Сосланный на Дальний Восток член «Народной воли» С. Ф. Хроновский отмечал, что малограмотные обыватели региона всерьез считали, что «манза (так называли китайцев на Дальнем Востоке. – Я. Г.) не человек» вовсе, так как у него и «настоящей души нет, а только один пар» [34].

Непосредственным следствием незнания христианского учения считалась «жестокость», которую приписывали «желтым» в качестве их неотъемлемой черты. Публицист Л. З. Слонимский, активно сотрудничавший с журналом «Вестник Европы», считал азиатскую «жестокость» просто «паразитической» для любого европейца, и если японцы, по его мнению, все же старались «сознательно избегать» ее, «чтобы не повредить своей репутации в глазах образованных иностранных народов», то остальные «желтые», преимущественно китайцы, были совершенно «свободны от такого рода соображений» [22, с. 309].

В отличие от физических антропометрических характеристик, приписываемых «желтым» как отдельной расовой категории, приписываемые им психологические свойства оказывались размытыми и неопределенными. Когда дело касалось таких оценок, российские авторы предпочитали чаще использовать этничность в качестве маркера психологических свойств и качеств.

Экономические и социально-политические процессы в странах Дальнего Востока формировали различные оценки психологических черт народов «желтой» расы. Стремительно развивающаяся и модернизирующаяся по европейским образцам Япония дала основание российским авторам воспринимать японцев как нацию активную, молодую, динамически развивающуюся. В то время как политический кризис в Корее и Китае закрепил за китайцами и корейцами стереотип безжизненных, апатичных народов. Крупнейший ученый-китаист С. М. Георгиевский главной целью своей книги «Важность изучения Китая» считал убеждение читателя в несправедливости представлений о застойности восточных стран, которые, по его мнению, практически «всякий» в России воспринимал как «аксиомальную истину» [6, с. 1]. Важное значение в этом смысле имела японо-китайская война 1894–1895 гг. Победа японцев «впервые», по мнению русских публицистов, показала относительное могущество» Японии, доказала ее «политическое совершеннолетие» и подтвердила «фактическое право претендовать на звание великой державы» [21, с. 765].

Приблизило Японию в глазах русского общества к западным эталонам «цивилизованности» ее участие в подавлении восстания ихэтуаней в Китае в 1900 г. Как выразился военный писатель Ю. Л. Елец, это «сделало японцев боевыми товарищами всех великих держав» [9, с. 12]. Общая оценка японской армии оказалась настолько высока, что дала повод некоторым современникам заговорить о равенстве японцев по боевому духу, храбрости и доблести русскому воинству [30, с. 58]. При этом позитивные качества японцев как нации не экстраполировались на представителей всей «желтой» расы: японцы «завоевали» в этих военных действиях право восприниматься обособленно от остальных представителей своей расы. Расовая составляющая здесь, безусловно, уступала место оценке национальной.

Между тем восторженные отзывы военных о блестящей подготовке, организованности и слаженности японской армии никак не изменили в лучшую сторону восприятие русскими внешнего облика японцев. «Физический» тип японцев продолжал получать уничижительные характеристики и служил поводом для насмешек. Искреннее восхищение образцовой дисциплиной японской армии совершенно не мешало военному врачу В. Кравченко откровенно потешаться над «япошкой», который из-за своего маленького роста не мог перепрыгнуть через высокую стену и метался, словно «пойманная крыса», в поисках выхода по китайскому двору. Приказывая матросам посадить бедолагу, врач, как «грешный человек, был очень доволен», когда этому японцу «на прощанье, при посадивании, дали хорошего тумака» [13, с. 62]. Даже те, кто с особым пиететом писал о храбрости и доблести японцев, были склонны называть их «азиатами», «макаками» или «япошками» [12, с. 98; 13, с. 53].

Употребление термина в российской печати

Восстание ихэтуаней и Русско-японская война 1904–1905 гг. существенно расширили сферу бытования термина «желтые». Как показывает анализ столичной и дальневосточной печати, вплоть до начала XX в. этот термин не имел там широкого хождения и звучал преимущественно в переводных изда-

ниях и статьях: из 128 работ, выявленных за период с 1895 по 1914 г., в которых употреблялось понятие «желтые», только 4 из них были напечатаны до 1900 г. [2; 15; 28; 36].

Восстание ихэтуаней привело к расширению горизонта публичного употребления понятия «желтые» в печати. Именно в 1900 г. в российской печати, по свидетельству собирателя и толкователя русских фразеологических высказываний М. И. Михельсона, впервые появилось и выражение «желтая опасность» [10, с. 291]. Если верить сведениям отдельных изданий, то, отправляясь в 1904 г. на войну, русский солдат знал, что его противник «желтолицый нехрист», который «вероломно напал на... эскадру» [20, с. 3–4]. Тот факт, что российская читающая публика к началу Русско-японской войны знала, кто такие «желтые», подтверждает и активное использование данного термина в сатирической литературе 1904–1905 гг., поскольку публичному осмеянию может подвергаться только то, что хорошо известно [подробнее см. 32; 40].

Военно-политические конфликты сделали расовую терминологию востребованной в печати, так как с ее помощью часть публицистов имела возможность создать среди читающей публики негативный образ противников. Именно в рамках военной пропаганды термин «желтые» приобретал ярко выраженный негативный смысл и звучание. А. С. Суворин, писавший о дальневосточных народах чаще всего с уважением или же нейтрально, в 1904 г. позволял себе резкие высказывания: «Белое племя во всех отношениях выше желтого и... косоглазие отнюдь не есть преимущество желтого человека перед белым. Глаз есть зеркало души, косой глаз есть признак косоглазия души. Все их преимущество – чисто материальное и все оно европейское, изготовленное умом и наукою белого человека, только белого человека. Только он мог создать великую цивилизацию и поставить человеческой душе высокие требования» [25].

Военные действия давали публицистам и писателям возможность свободнее использовать расовую терминологию для формирования негативных установок в отношении противников, чем объясняются и возросшие масштабы ее использования во время военных конфликтов начала XX в. на Дальнем Востоке.

Бытование категории «желтые» в позднеимперской России и использование ее в качестве маркера для анализа и оценки других культур свидетельствует о сложности и неопределенности данного понятия. Неоднозначность в понимании термина дополнялась осознанием того, что многонациональная Россия имеет в своем составе народы, относящиеся к «желтой» расе. Это давало некоторым интеллектуалам основание настаивать даже на азиатской специфике империи.

Категория «желтые» была важна не только для восприятия и оценки народов других культур, но и для самоидентификации российского общества. Путем соотнесения себя с «другими» российские авторы формировали и представление о месте и роли России в многонациональном мире и простран-

стве. Публицисты, писатели, ученые, старавшиеся применять в России расовые теории, дифференцируя население земного шара на определенные расы, не только создавали образ «другого», но и конструировали собственно «российскую» идентичность.

Категория «желтые» фактически не использовалась в российской печати вплоть до 1900 г. Сферу ее бытования существенно расширили военные конфликты начала XX в. Активное использование публицистами категории «желтые» во время военных действий на Дальнем Востоке и оценка противника в категориях расы – явное свидетельство понятности и распространенности расового дискурса в позднеимперской России.

1. *Анучин Д. Н.* Кто такие японцы // Русские ведомости. – М., 1904. – 11 апр.
2. Восточноазиатские перспективы // Санкт-Петербургские ведомости. – СПб, 1895. – 25 июля.
3. Всеподданнейший доклад генерал-губернатора от инфантерии Гродекова за 1898, 1899, 1900 гг. // Ф. 1282. Оп. 3. Д. 332. – 80 л.
4. Всеподданнейший отчет военного губернатора Приморской области генерал-лейтенанта Чичагова за 1900 год // Ф. 1282. Оп. 3. Д. 499. – 52 л.
5. *Гарин-Михайловский Н. Г.* По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову. Карандашом с натуры [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/g/garinmihajlowskij_n/text_1898_ro_koree.shtml (дата обращения: 19.04.2013).
6. *Георгиевский С. М.* Важность изучения Китая / С. М. Георгиевский. – СПб., 1890. – 286 с.
7. *Гончаров И. А.* Фрегат Паллада. Т. 2. [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0084.shtml (дата обращения: 26.07.2013)
8. *Денисюк Н.* Кто победит? Война на Дальнем Востоке / Н. Денисюк. – М., 1904. – 89 с.
9. *Елец Ю. Л.* Надо знать своего врага. Состав японской армии, дух японской армии / Ю. Л. Елец. – СПб., 1904. – 31 с.
10. Желтая опасность // Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии : сб. образных слов и иносказаний. – СПб., 1902. – Т. 1. – 779 с.
11. Из разговоров // Шут. – СПб., 1900. – № 32. – С. 11.
12. *Корсаков В. В.* Пекинские события: личные воспоминания участника об осаде в Пекине. Май–август 1900 / В. В. Корсаков. – СПб., 1901. – 394 с.
13. *Кравченко В. С.* На Дальнем Востоке во время военных событий 1900–1901 года (Из дневника морского врача) // Свет. – СПб., 1906. – Т. 6. – С. 1–84.
14. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним. У калмыков // Новое время. – СПб., 1904. – 13 июня.
15. *Мецгер Э.* Борьба будущего между белой и желтой расами // Мир Божий. – СПб., 1898. – № 7. – С. 178–196.
16. *Мецгеряков А.* Статья японцем / А. Мецгеряков. – М., 2012. – 432 с.
17. *Могильнер М.* Ното impregii: история физической антропологии в России (конец XIX – начало XX вв.) / М. Могильнер. – М., 2008. – 505 с.
18. *Новиков Я.* Будущность белой расы. Критика современного пессимизма / Я. Новиков. – СПб., 1900. – 171 с.
19. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. – СПб., 1905. – Т. 1. – 268 с.

20. О Японии и японцах и о том, отчего и как началась русско-японская война: Книжка для народа. – СПб., 1904. – 16 с.
21. *Слонимский Л.* Желтая опасность // Вестн. Европы. – СПб., 1904. – № 4. – С. 762–776.
22. *Слонимский Л.* Желтая опасность // Вестн. Европы. – М., 1904. – № 5. – С. 308–321.
23. *Суворин А. С.* Русско-японская война и русская революция: маленькие письма 1904–1908 / А. С. Суворин. – М., 2005. – 752 с.
24. *Суворин А. С.* CCCLXXIII // Новое время. – СПб., 1900. – 10 авг.
25. *Суворин А. С.* CDXCVIII. // Новое время. – СПб., 1904. – 2 июля.
26. Среди газет и журналов // Новое время. – СПб., 1896. – 3 янв.
27. *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией / Ван дер Ойе Д. Схиммельпенник. – М., 2009. – 421 с.
28. Тихоокеанская пресса // Приамурские ведомости. – Хабаровск, 1899. – 25 июля.
29. *Тольц В.* Дискурсы о расе: имперская Россия и Запад в сравнении // «Понятие о России» к исторической семантике имперского периода. – М., 2012. – Т. 2. – С. 145–193.
30. *Томский В. А.* Китай и подвиги русских в Китае. Чтение для войск и народа / В. А. Томский. – СПб., 1901. – 70 с.
31. *Ухтомский Э. Э.* К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку / Э. Э. Ухтомский. – СПб., 1900. – 87 с.
32. *Филиппова Т. А.* «Враг с Востока»: образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века / Т. А. Филиппова. – М., 2012. – 384 с.
33. *Холл К.* «Расовые признаки коренятся глубже в природе человеческого организма»: неуловимое понятие расы в Российской империи // «Понятие о России» к исторической семантике имперского периода. – М., 2012. – Т. 2. – С. 195–258.
34. *Хроновский С.* Путевые впечатления. От Владивостока до Хабаровска на военном положении // Владивосток. – 1900. – 20 авг.
35. *Шкворен.* Письма // Гражданин. – СПб., 1904. – 25 янв.
36. *Эстуннелл де Констан Д.* Близкая гибель. Европа и ее соперники // Гражданин. – СПб., 1896. – 31 марта.
37. *Южаков.* Политика. Что делать в Китае? // Русское богатство. – СПб., 1900. – № 8. – С. 111–122.
38. *Янчевецкий Д.* Гроза с Востока: задачи России. Задачи Японии на Дальнем Востоке : очерки / Д. Янчевецкий. – Ревель, 1907. – 226 с.
39. *Aurutin E. M.* Racial Categories and the Politics of (Jewish) Difference in Late Imperial Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* – № 8, 1 (Winter 2007). – P. 13–40.
40. *Mikhailova Yu.* Images of Enemy and Self: Russian «Popular Prints» of the Russo-Japanese War // *Acta Slavica Iaponica.* – Hokkaido, 1998. – Vol. 16. – P. 30–53.
41. *Schimmelpennink van der Oye D.* Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration / van der Oye D. Schimmelpennink. – Yale, 2010. – 298 p.
42. *Tolz Vera* Russia's Own Orient: the Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods. – Oxford, 2011. – 203 p.

The Category of «Yellow» within the Context of Racial Discourse in Russian Empire at the End of the XIXth – the Beginning of the XXth Centuries

Ya. S. Guzei

Irkutsk State University, Irkutsk

The article is devoted to the analysis of the use of the category «yellow» in the Russian Empire. In particular, the author brings up the issues on the meaning of the term and its usage at the end of the XIXth – the beginning of the XXth centuries.

Key words: race, racial approach, «yellow», Russian Empire.

Гузей Яна Сергеевна – сотрудник лаборатории исторической и политической демографии ИГУ, магистр Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб), 664019, г. Иркутск, ул. Напольная, 113–51, тел. 8(3952)275215, e-mail: guzeiana@mail.ru

Guzei Yana Sergeyevna – a Researcher of the Laboratory of Historical and Political Demography of the Irkutsk State University, Master of European University at Saint Petersburg (EUSPb), 664019, Irkutsk, Napolnaya St., 113–51, phone 8(3952)275215, e-mail: guzeiana@mail.ru